

ЛУКОМСКАЯ Т. П. — ПРОКУРОРУ

ЛУКОМСКИЙ Сергей Сергеевич, родился в 1890-х. Получил высшее образование, горный инженер. Проживал в Одессе, занимался научно-исследовательской работой. Женат на Татьяне Петровне Лукомской. В 1926 — арестован, позднее был освобожден и восстановлен в избирательных правах. Проводил геологические научно-разведывательные исследования на станции Выя Пермской железной дороги. 20 ноября 1930 — вновь арестован и заключен в тюрьму. За семь месяцев пребывания в тюрьме вел бесконечную голодовку, прерываемую искусственными кормлениями; 20 июля помещен в больницу (при этом его письма и телеграммы изымались, так что никто из родных не знал о его голодовке).

В феврале 1931 — его жена, Татьяна Петровна Лукомская, обратилась с заявлением а генеральному прокурору.

<21 февраля 1931>

«КОПИЯ ЖАЛОБЫ ГЕНЕРАЛЬНОМУ ПРОКУРОРУ

ЛУКОМСКОЙ Татьяны Петровны,
Одесса, ул<ица> Щепкина 23, кв. 8

З А Я В Л Е Н И Е

Мой муж, Сергей Сергеевич Лукомский, горный инженер, всю свою жизнь бывший трудящийся и сейчас работающий как геолог при станции Выя Пермской ж<елезной> д<ороги>, к несчастью, является братом бывшего генерала Лукомского. Несмотря на то, что ни в прошлом, ни тем более теперь муж мой никакой связи со своим братом не имел, один тот факт, что он носит одну с ним фамилию, является причиной нескончаемых нападок, доходящих до явного террора со стороны отдельных лиц на моего мужа и меня.

Как уже указано выше, муж мой, горный инженер по специальности и научный работник, всю свою жизнь служил (что подтверждается его трудовым списком), никогда не был в армиях, ни в царской, ни в белой, и еще до Революции совершенно утратил связь со своим братом.

В 1926 г<оду> муж мой был арестован. Дело его рассматривалось органами ГПУ, Генеральной Прокуратурой Республики и Всеукраинским Центральным Исполнительным Комитетом и было производством прекращено. Таким образом, он реабилитирован постановлениями Высших органов Власти.

В связи с этим он восстановлен в избирательных правах. В настоящее время муж мой ведет научно-разведывательную работу.

Несмотря на все изложенное, отдельные лица на местах и теперь продолжают совершенно незаконно нападать на нас. Так Жил<ищный> кооп<ератив> № 65 уже в течение 6 лет пытается всевозможными средствами выселить меня из квартиры в две комнаты в доме № 23 по ул<ице> Щепкина, которую я занимаю свыше 25 лет. В квартире этой две комнаты, общей площадью 9 кв<адратных> саж<ень>, т<ак> к<ак> муж мой, как научный работник, работает временно в Сибири, мы одну из комнат на это время сдали в наем приват-доценту А. А. Дидунику.

5 месяцев тому назад Ж<илищный> К<ооператив> предъявил ко мне иск в суде о выселении. В этом иске Ж<илищному> К<ооперативу> было отказано. Прокуратура опротестовать это решение также отказалась. Несмотря на это Ж<илищный> К<ооператив>, во время моего пребывания в Харькове, с 22/ХI по 28/ХI-30 г<ода>, взломал двери в моих

комнатах, выкинул все вещи из одной из них, (ранее занимавшейся Дидуником, ныне арестованным), в другую, а в освобожденную таким образом комнату вселили сотрудника ГПУ т<оварища> Шпильберга.

С этого времени Шпильберг постоянно наносит мне оскорбления, называя меня генеральшей и другими оскорбительными словами, учиняет самоуправство, в частности, 31 декабря 30 г<ода>, изрубил на куски мой шкаф и выкинул эти куски на лестницу и, вообще, всячески меня притесняет.

Прошу принять меры к возвращению мне незаконно захваченной у меня жилплощади и прекращению возмутительных издевательств гр<ажданина> Шпильберга.

К этому добавлю, что сама я дочь крестьян, бывших еще крепостными, всю свою жизнь также работала, а сын мой по первому браку член французской компартии.

21 февраля 1931 г<ода>.

Т. П. ЛУКОМСКАЯ»¹.

В июле 1931 — Татьяна Петровна Лукомская получила, наконец, письмо от мужа; со своим заявлением она передала в Помполит это письмо Сергея Сергеевича Лукомского.

«26 июля 1931 года.

Дорогая моя старушка! Наконец-то я, кажется, могу написать тебе письмо, которое ты получишь. Сiju как тебе известно с 20-го Ноября и до сих пор на допрос не вызывался за это время ни разу, заявлений писал кучу, конечно, без результатов, ни на одно из них не получил ответа. Надеюсь, что все это теперь скоро окончится в ту или другую сторону, подал заявление Прокурору, обещал ускорить дело. Подаю еще с тем же, т<о> е<сть> с требованием применения ко мне законности. Пусть осудят, если есть за что, но не держат в тюрьме за родство. Это единственное, что у них может вытанцовываться. Духом, дорогая, я бодр, так что с этой стороны можешь быть совершенно спокойна, но тело за 7 месяцев сплошной голодовки сдало, болезнь сердца (миокардит) усилилась, на почве недоедания начались отеки ног и рук. 20 июля я был взят в больницу. Отек с рук уже сошел, ноги еще слоновые, но постепенно уменьшаются, т<ак> что надеюсь, что все сойдет благополучно им назло. От тебя, Таня, я получил 10 Марта один пакет с письмами, где были и старые письма, и обрывки писем более новых, получил две посылки за все время, одну поменьше, другую (с подушкой), подштанниками и салом, обещанную тобой третью посылку с рубахами я не получил, тебе необходимо поднять хай, чтобы не пропало совсем: где она делась. Теперь просьба к тебе, голод для меня не так важен, как важно курение, поэтому прошу тебя, вышли возможно скорее махорки или самосадки (покрепче) и побольше, если трудно тебе достать, то попроси Олимпиаду, Ивана, вообще мобилизуй все что возможно и вышли мне курево, это главное. ГПУ очень предупредительно дает разрешение на получение посылки по истечении месяца, когда посылка уже отправлена обратно. Посылай от имени хотя бы Анны Ивановны или Леньки по адресу, который я тебе напишу, письмо постарайся написать одно, но толковое по тому же адресу. Очень ли ты моя бедная страдаешь и страдаешь, как ты теперь устроилась, что делаешь. Если скоро меня освободят, то я найду возможность тебе черкнуть одно слово: “действуй”, тогда тебе придется загнать шкаф, туалет и мою кровать для того, чтобы добыть деньги для поездки в Москву, там же надо добиваться либо справедливости, либо

¹ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 639. С. 189-190. Машинопись.

отправки тебя, как мать француза за границу. Пешкова (1-я жена Горького) представительница МОПРа может быть сумеет что-либо сделать для меня, если нет, то советую тебе ликвидировать все свое имущество и хлопотать через Эрбета о своей поездке во Францию. Когда я буду один, мне легче будет что-либо предпринять, больно и мне надоело быть все время на положении не то подозреваемого, не то нелегального. Надо это кончить, как, там видно будет. Таня, родная, пошли табак, не забудь, а все что будет сверх этого приму с благодарностью. Желательно только, чтобы ты выбрала продукты не портящиеся, рыбу соленую, сушеную, копченую, если можно сало. Теперь посылки принимают малые, так что если будет возможность, то пошли две, но табак непременно не дорогой, но крепкий, исполни родная мою просьбу, адресуй: Свердловский Исправительный трудовой дом (ИТД). Больница Изолятора, фельдшеру Александру Александровичу Французову. Тогда я получу эту посылку наверняка. Письменное сообщение можно тоже на его имя. Вот пока все, моя хорошая. Будь здорова и не беспокойся, скоро все кончится и не очень плохо.(сегодня уже за мной присылали из ГПУ — я отказался идти, ссылаясь на боль в ногах, пришлют пусть машину). Привет всем, тебя крепко, крепко целую, надеюсь, скоро увидимся. Любящий тебя Сергей»².

*На письме — помета секретаря Помполита без даты:
«Освобожден».*

² ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 639. С. 181. Автограф.